



Научная статья

УДК 30,39

DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-87-96>

Технологии сохранения русского языка в эмиграции (США, 1920–2000-х гг.)

Наталья Валентиновна Шалыгина

Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия,
etgender@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8636-1162>

Аннотация. В настоящее время во всех 50 штатах США проживает около 1 млн 300 тыс. человек, считающих русский язык основным языком своего общения, что составляет примерно треть всего русскоязычного населения в США. Однако ситуация с самоидентификацией «русских американцев» на основе владения русским языком постепенно меняется – большинство тех, кто приехал в США в детском возрасте, а также наиболее молодые представители так называемой пятой волны русскоязычной иммиграции уже билингвально и не считают русский единственным языком своего повседневного общения. Предсказать динамику развития ситуации, учитывая актуализацию английского языка в современном мире, таким образом не составляет особого труда. И в этой связи остро встает проблема сохранения русского языка как основы «Русского мира» в США, его укрепления и дальнейшего развития в новых геополитических условиях. В статье рассматривается несколько вариантов сохранения русского языка в иммигрантской среде, имеющих различные значения. Одним из важнейших способов сохранить русский язык в иммиграции, очевидно, следует считать практику общения на родном языке в семье. Однако определенная часть семей русскоязычных иммигрантов США, стремясь как можно быстрее интегрироваться в американское общество, сознательно отказывалась от использования русского языка не только среди своих соотечественников во внешней среде, но и в домашних условиях. Компенсирующим фактором в этом смысле можно считать активность русскоязычных издательских компаний, которые на протяжении нескольких поколений сохраняли традиции русской словесности на страницах своих изданий. Третьим каналом распространения и укрепления русского языка среди иммигрантов оказались русскоязычные школы, значение которых в США постоянно возрастает. Технологии сохранения русского языка в Америке, таким образом, представляют собой достаточно сложное переплетение нескольких разнонаправленных сил и требует многофакторного анализа.

Ключевые слова: культурная идентичность, плавильный котел, адаптация, русскоязычная Америка, русскоязычная диаспора в США, ассимиляция, иммиграция, репатрианты, русская периодика за рубежом, протестантская мораль американского общества, русская ментальность

Для цитирования: Шалыгина Н. В. Технологии сохранения русского языка в эмиграции (США, 1920–2000-х гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2022. Т. 18. № 4. С. 87–96. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-87-96>

Ethnology

Original article

Technologies for preserving the Russian language in emigration (USA, 1920-2000-s)

Nataliya V. Shalygina

Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maclay of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
etgender@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8636-1162>

Abstract. Currently, in all 50 US states, there are about 1 million 300 thousand people who consider Russian the main language of their communication, which is about a third of the entire Russian-speaking population in the United States. However, the situation with the self-identification of “Russian Americans” based on knowledge of the Russian language is gradually changing - the majority of those who came to the United States as children, as well as the youngest representatives of the so-called fifth wave of Russian-speaking immigration, are already bilingual and do not consider Russian the only language of their everyday communication. Thus, it is not difficult to predict the dynamics of the development of the situation, taking into account the actualization of the English language in the modern world. And in this regard, the problem of preserving the Russian language as the basis of the “Rus-

© Шалыгина Н. В., 2022

sian World” in the United States, its strengthening and further development in the new geopolitical conditions is acute. The article discusses several options for the preservation of the Russian language in an immigrant environment, which have different meanings. One of the most important ways to preserve the Russian language in immigration, obviously, should be considered the practice of communication in the native language in the family. However, a certain part of the families of Russian-speaking immigrants to the United States, seeking to integrate into American society as quickly as possible, deliberately refused to use the Russian language not only among their compatriots in the external environment, but also at home. In this sense, the activity of Russian-language publishing companies, which for several generations have preserved the traditions of Russian literature on the pages of their publications, can be considered a compensating factor. The third channel for the dissemination and strengthening of the Russian language among immigrants turned out to be Russian-language schools, the importance of which in the United States is constantly growing. The technologies for the preservation of the Russian language in America, therefore, are a rather complex interweaving of several multidirectional forces and require multifactorial analysis.

Keywords: cultural identity, melting pot, adaptation, Russian-speaking America, Russian-speaking diaspora in the USA, assimilation, immigration, repatriates, Russian periodicals abroad, Protestant morality of American society, Russian mentality

For citation: Shalygina N. V. (2022) Technologies for preserving the Russian language in emigration (USA, 1920-2000-s). *Izvestiya Laboratorii drevnikh tekhnologii = Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 18. No. 4. P. 8796. (In Russ.). <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2022-4-87-96>

Сохранение русского языка и культуры в США стала актуальной проблемой для русскоязычных иммигрантов уже в первой трети XX в. Основной причиной для беспокойства в этом смысле стало отсутствие в Америке русскоязычных школ, в которых иммигранты так называемой первой, послереволюционной волны могли бы обучать своих детей непосредственно после переезда за океан. Во многих странах Европы для российских переселенцев такой проблемы не существовало, так как и во Франции, и в Чехословакии, и, например, в Югославии русскоязычные школы были созданы самими русскими иммигрантами еще после первой мировой войны и с тех пор продолжали только расширять свою образовательную деятельность за рубежом. Никаких препятствий для развития русскоязычных школ со стороны правительств европейских стран не было. Что же касается США, то в этой стране в начале XX в. активно проводилась политика «плавильного котла», предусматривающая смешение культурных особенностей всех национальностей, проживавших на ее территории. Учреждение национальных школ в принципе противоречило бы такой политике. Однако несколько православных учебных заведений в США в те годы все-таки смогли добиться для своих учащихся включения в американскую программу и тех предметов, которые преподавались в русских школах (например, таких, как русский язык, литература, история отечества, природоведение, а также Закон Божий, катехизис и др.). В 1941 г. некоторые русскоязычные журналы г. Нью-Йорка нередко отме-

чали, что за очень малым исключением дети забывают свой русский язык, а число тех иммигрантов, которые способны читать на русском периодике, быстро уменьшается, достигнув во втором поколении 8,3 %, а в третьем – 1,5 % (Абдурашитова, 2016. С. 70).

Сохранение русской культурно-языковой идентичности в немалой степени зависело и от степени замкнутости самой общины в условиях иммиграции. При условии проживания в компактной колонии, не владеющей широкими общественно-политическими коммуникациями, сохранение родного языка происходило, как правило, лишь на бытовом уровне при столь же элементарном владении английским. Характерным примером подобного рода технологий сохранения русского языка в условиях иммиграции может служить район Брайтон-Бич, где уже в 1920-е годы сложился свой собственный диалект русского языка, перемешанный с бытовой англоязычной лексикой, который весьма ярко проявляется и даже по своему развивается по сей день.

Тем не менее среди представителей русской эмиграции первой волны, переселившихся в Америку после Октябрьской революции и Гражданской войны в России 1918–1921 гг., осталась не очень многочисленная, но внутренне консолидированная общность носителей русского языка и русских культурных традиций, влияние которой на всю русскую диаспору в США оказалось весьма стойким и ощущается даже сегодня. После Второй мировой войны это сообщество получило существенное подкрепление в лице достаточно многочисленной группы рус-

скоязычных репатриантов, вынужденно уехавших за океан, но также приверженных русской культуре.

На протяжении полувекового периода (1920–1970-х гг.) значительная часть российской иммиграции в США предпринимала усилия для воспитания своих собственных детей в духе отечественных культурных традиций, сохраняя их из поколения в поколение. Наиболее отчетливо такая межпоколенная трансляция русской культуры проявлялась в семьях первой волны иммигрантов, начавших перебираться за океан сразу же после октябрьской революции. Главная причина такой культурной преемственности состояла в том, что представители этой волны, состоявшей, как правило, из представителей офицерского состава Белой гвардии, обладали высоким уровнем образования и преданностью как российскому государству, так и многовековой русской культуре, что и повлияло на социализацию нескольких последующих молодых поколений в семье.

Точно такой же механизм сохранения русского языка и русской культурной идентичности, основанный на семейном воспитании и сохранении высокого образовательного уровня всех членов семьи, характерен, кстати, и для двух последующих волн иммигрантов, переселявшихся в Америку на протяжении более чем 4-х десятилетий – с середины 1945 по конец 1990-х годов. Как правило, состав этих волн включал в себя представителей различного рода советской интеллигенции (артистов, врачей, преподавателей и др.), образ жизни которой и до переезда в Америку был сориентирован на достаточно высокий социальный и профессиональный статус. Отказ от русского языка в эмиграции, как правило, не рассматривался представителями этой волны как шаг к успеху в новых условиях. Скорее наоборот, воспринимался в качестве снижения уровня интеллектуального капитала, приобретенного в течение жизни. Поэтому, даже отдавая своих детей в американские школы, родители обеспечивали им регулярные занятия грамматикой русского языка, написания сочинений по русской литературе и т. п. (Шалыгина, 2021. С. 338).

Адаптация к этнокультурной реальности США (структурная ассимиляция, т. е., необходимость полноценного вхождения в новую для иммигрантов социально-экономическую среду) грозила утерей родного языка не только представителям молодых,

но и старших поколений россиян, покинувших родину. Но при этом шел и параллельный процесс – сохраняющаяся потребность в общении с земляками, обеспечивавшая русскоязычным иммигрантам необходимый психологический комфорт в инокультурной среде. Для удовлетворения этой потребности большинство иммигрантов первых волн использовали русскоязычную прессу и радио, а, начиная с 1950-х г., и телевидение. По воспоминаниям Аллы Радзинской, *«хотя в двадцати шести домиках нашей подковы (русский дачный поселок в г. Монтиселло) жили исключительно выходцы из СССР, я единственная получала газету на русском. Она ходила по рукам и зачитывалась до дыр»* (Радзинская, 2004. С. 66–67).

Характерной особенностью русскоязычной периодики в 1950-х годах было то обстоятельство, что практически вся она рассматривалась издательствами как инструмент борьбы с советской идеологией и была посвящена почти исключительно проблемам, существовавшим тогда в СССР. Одним из приемов в этой борьбе стало принципиальное использование некоторыми изданиями дореформенной орфографии, которая была изменена еще в 1918 г. (Печатное дело Русского зарубежья..., 2003). Так, например, крупнейшее периодическое издание на русском языке, выходившее в США вплоть до 2010 г., носило название «Новое русское слово и Россия». Публичное, нарочитое обращение к старой орфографии русского языка должно было подчеркнуть его отстраненность от всей советской культуры и, наоборот, демонстративно декларируемое родство с «настоящей», русской культурой.

Можно сказать, что русскоязычная периодика в США на протяжении всего XX в. обеспечивала сохранение культурно-языкового кода иммигрантов даже в самых удаленных регионах Америки (Вишнякова, 1998). Но сам культурно-языковой код русскоязычных иммигрантов не был единым. Начиная со второй половины XIX в., большинство русскоязычной периодики поступало в США из России, а также из центров русскоязычной эмиграции в Европе (Лондон, Женева, Париж и др.), которые, как правило, придерживались левых политических взглядов. Со временем и в самой Америке начали быстро распространяться местные редакции русской периодики, которые, как и зарубежные издания русской

эмиграции, также имели идейно-политическую ориентацию. Однако, в отличие от европейской русскоязычной периодики, политические предпочтения в среде Русского зарубежья США имели более разнообразную политическую палитру левых взглядов, включая в себя социал-демократические, эсеровские, анархические и других направления, в зависимости от того, к какому именно идеологическому крылу принадлежало то или иное издание (Базанов, 2000b. С. 116).

Кроме того, в Америке 1930-х годов издавались русскоязычные газеты и журналы, не имеющие отношения к политическим проблемам и открыто демонстрировавшие свою оторванность как от политической жизни самой диаспоры, так и от международной политики вообще. Так, издание «Вестник монархиста», выходившее в г. Нью-Йорке в 1930–1940-х годах рассказывало на своих страницах о жизни представителей дома Романовых за границей, подробно описывало свадьбы членов императорской семьи, монархические собрания и т. п. Однако из-за слабости полиграфической базы издания широкого распространения среди иммигрантов США не имело и заметного влияния на их сознание не оказывало.

Иначе обстояло дело с теми русскоязычными изданиями, которые поддерживались профсоюзным движением Америки и отражали большинство злободневных проблем выживания иммигрантов в новых условиях. Например, в 1920-х годах в США активно действовали организации, защищавшие права представителей той или иной профессии иммигрантов и имевшие при этом свой собственный печатный орган – журнал «Американская техника», «Бюллетень информационного бюро русских кооператорских союзов», «Бюллетень Фонда помощи российским писателям и ученым» (Селезнева, 2016. С. 166). Все подобного рода издания, помимо профессиональной помощи и поддержки специалистов из России, сохраняли и русскую лексику, и сугубо профессиональную терминологию на русском языке, необходимую для полноценной профессиональной деятельности (Струве, 1996).

Но отличительной чертой большинства русскоязычных изданий в США этого периода была установка на интеграцию протестантской морали американского общества в православное сознание рус-

ских иммигрантов. Так, на страницах газеты «Американская Русь» по инициативе ее издателей М. Волкова и М. Романович утверждалось, что русские должны оставаться русскими, но при этом уважительно относиться к обычаям и нормам жизни в Америке: *«Не следует забывать, что мы русские, и во всех колониальных делах действовать, как и подобает выходцам из одной страны: без зависти, без ненависти, без интриг, а с любовью к общему делу, дружно и честно по отношению друг к другу... Следует ближе знакомиться с американской жизнью и воспринимать все хорошие стороны американцев..., улучшать наше экономическое положение путем честного труда, сбережениями, учиться при помощи книжек и разговоров с хорошими людьми»* (Базанов, 2000 с. С. 134–135). Для большинства представителей первой волны русскоязычных иммигрантов США подобного рода советы становились своего рода программным документом, облегчающим адаптацию в новой стране и при этом позволяющим сохранять родной язык. Иными словами, издательско-просветительские группы определяли свою основную миссию не только как распространение знаний среди русскоязычных рабочих, но и оказание им различных видов практической помощи, обучение американскому образу жизни, т. е. не бояться трудностей, а упорно преодолевать их, не сомневаться в своих возможностях, стремиться к получению образования и скорейшему трудоустройству.

Установка на сохранение «русскости», впрочем, далеко не всегда присутствовала в русскоязычных изданиях США. Идеологемы русских эмигрантов, формировавшиеся главным образом в европейских странах, чаще всего включали в себя исключительно хвалебные оды американской жизни, противопоставляя ее новой большевистской власти в России: *«Взоры русских обращены теперь к американцам, к той нации, которая проявила себя перед всем миром в славной знаменитой борьбе за освобождение народов от рабства, к той стране, плодами культуры и просвещения которой пользуется весь свет, к той стране, которая в экономической жизни европейских государств ныне играет главенствующую роль и которая в данное время обладает наибольшей долей мирового золотого запаса и имеет массу свободных капиталов»* (Измо-

зик, 1992. С. 50). Публицистические статьи европейских белоэмигрантов наполняли русскоязычные издания в США совершенно определенным содержанием, превозносящим Америку во всех ее начинаниях, включая отношение к самой России: «Американцы помогли русским в войне с большевиками, помогли русским беженцам, участливо относились к их детям, которых избавили от голодной смерти и которым стараются дать соответствующее их положению образование и воспитание...они <американцы> помогают возрождению России, сохраняя при этом неприкосновенность ее территории и не сочувствуя <ее> расчленению» (Измозик, 1992. С. 51).

Идеализация образа Америки в русскоязычной печати на протяжении 1920–1940-х годов несмотря на то, что упрощала сам процесс социально-экономической адаптации переселенцев, неизбежно приводила к трансформации всей их языковой культуры в целом. Теряя русский язык, иммигранты одновременно переживали и состояние практически полной изоляции от американской общественной и культурной жизни. В 1917 г. многие эмигранты сетуют на то, что «русский человек чувствует себя в Америке одиноким... Он не имеет друзей и каких-либо социальных центров, где он мог бы обрести друзей... Америка вообще не интересуется душой и духовной жизнью русского иммигранта, она заинтересована лишь в его мускулах» (Восков, 1925. С. 33).

Современники, наблюдавшие процесс вживания русских иммигрантов в американскую жизнь первой половины XX в., отмечали, тем не менее, их способность к быстрому и эффективному обучению: «...Постепенно их кругозор расширялся, потребности становились выше. Такие нередко шли, не считаясь с возрастом, в сельскохозяйственные колледжи и институты, занимаются просветительной и организаторской деятельностью в русской колонии... становились членами рабочих юний (профсоюзов), стихийно учились общественности и защите своих прав и интересов... во много раз больше читали, чем русские в России» (Вильчур, 1914. С. 90–91). В 1915 г. советник российского посольства в Вашингтоне А. И. Щербатский писал, что среди русскоязычных иммигрантов «появились "свои" врачи, торговые заведения, солидарность и

некоторый местный русско-американский патриотизм» (Щербатский, 1915. С. 10). Часть русских рабочих оказалась вовлеченной и в американское профсоюзное движение, что заметно сказывалось на улучшении их материального положения.

Процесс интенсивного обучения, позволявший русским иммигрантам быстрее и эффективнее приспособиться к американской культуре, постепенно повышая образование, заработок и уровень жизни в США, с другой стороны, стимулировал их интерес и к возрождению в новых условиях собственной культуры. Иммигранты организовывали свои союзы, открывали школы, библиотеки, проводили лекции на общественных началах, стремясь к приобщению как можно большего числа своих соотечественников к образованию. В результате уже спустя несколько лет после прибытия в Америку многие из них начинали читать русскоязычные газеты, даже если и не все еще в них понимали (Окунцов, 1967. С. 28).

По личным наблюдениям автора этой статьи (полевые исследования проводились в 2000–2003 годах), традиция обращения русскоязычных иммигрантов по любому случаю к печатным изданиям на русском языке, издававшимся в США, сохранялась вплоть до начала XXI в., пока не произошел тотальный переход к интернет-коммуникациям, обеспечивший неограниченный доступ к информации самого различного рода. Но в первой половине XX в. информационно-издательские группы фактически полностью владели умами переселенцев, формируя их ментальность. Русскоязычные издания в США этого периода призывали не забывать о своих корнях и, если возникнет необходимость, отстаивать собственные духовные традиции. Так, журнал «Зарница» в середине 1920-х годов приводил как аргумент в пользу укрепляющейся духовности русскоязычного населения США растущее число религиозной и философской литературы на русском языке.

К концу 1930-х годов издательская деятельность русской эмиграции еще более активизируется. В США как в страну, свободную от нацизма, в это время начинают переселяться многие русскоязычные писатели, журналисты и ученые, ранее обосновавшиеся в европейских странах. Их мотивация состояла в том, чтобы сохранить в США свободу творческой деятельности, которая в Европе активно подавлялась нацистским режимом. Но уже к началу

1940-х годов в среде русской интеллигенции, нашедшей в Америке свою новую родину, усилилось идеологическое размежевание между консерваторами, защищавшими монархию, и представителями левых взглядов, послужившее основой для раскола внутри диаспоры и особенно ярко проявившееся в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 годов. Так, если монархисты на страницах «своих» периодических изданий (газета «Россия») размещали материалы, свидетельствующие о низкой боеспособности советской армии, то «Новое русское слово», напротив, было проникнуто гордостью за победы Советского Союза над фашистскими войсками: *«Восемь русских армий неумолимо двинутся на запад. Это Россия, двинувшаяся с нижней Волги. Она остановится только на Эльбе. Ибо: Россия Германию разбила»* (Нитобург, 2005. С. 69).

В начале 1950-х годов на русском языке в США выходит только около 20 периодических изданий (Ручкин, 2007). Снижение издательской активности русскоязычной диаспоры в это время было обусловлено, в первую очередь, атмосферой холодной войны, а газеты и журналы, издававшиеся в СССР, хранились исключительно в крупных библиотеках США и поэтому практически не были доступны иммигрантам. К тому же советская периодика не соответствовала информационным и культурным запросам основной массы русскоязычной Америки и спрос на нее был весьма незначительным (Якобсон, 2004. С. 234). В результате русскоязычное сообщество США оказалось вне динамики тех изменений русского языка, которые сопутствовали трансформации социокультурных установок на его родине. Особенно «застойные процессы» коснулись лексики русского языка, не пополнявшейся в должной мере, например, советизмами, характерными для этого периода развития страны. С другой стороны, возможно, что благодаря в том числе и такого рода «застойным» явлениям, русский язык иммигрантов в США вплоть до начала 1960-х годов смог сохранить свои стилевые особенности.

Заметные изменения в русском языке иммигрантов начались в 1960-х годах, когда следующие поколения интеллектуальной элиты из СССР увидели за океаном новые возможности для своего творческого развития. Так, члены литературного объединения «Центр культуры эмигрантов из Советского

Союза» определили своей основной задачей установление разнообразных контактов между представителями двух культур в эмиграции, стремясь к созданию некоей новой культуры, которая сохраняла черты и русской, и американской культуры одновременно. С этой целью объединение «Центр культуры эмигрантов из Советского Союза» в своих альманахах начал пропаганду равной лояльности обеим культурам в иммигрантской среде и развития билингвизма среди своих читателей (Базанов, 2000а). Темы русской истории, философии, литературы в 1950–1960-х годах активно освещались, например, в таких печатных изданиях, как «Записки Русской академической группы в США», включались сборники, содержащие в себе произведения русских классиков – А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Л. Толстова и др. (Ульянкина, 2010). Традиция выпуска литературных сборников и альманахов оказалась весьма устойчивой, о чем свидетельствовало (Печатное дело Русского зарубежья..., 2003).

В 1970-е годы в США наблюдается еще один всплеск интереса к русскоязычной периодике, что объясняется двумя факторами. С одной стороны, в эти годы отмечен большой наплыв вновь прибывающих из СССР эмигрантов, не владеющих в достаточной мере английским языком, но желающих найти работу, услуги и т. п. Представителям этой волны надо было устроить детей в школу, подтвердить собственные дипломы, полученные еще в СССР, обеспечить себе хотя бы минимальный уровень медицинской помощи и т. п. (Поляков, 1996). С другой стороны, к этому времени возрастает и потребность в самой Америке в изучении русского языка, продиктованная условиями холодной войны между СССР и США. Появляется повышенный спрос на такие специализации, как советология и русистика, потребовавший специальной литературы, словарей и т. п. Не меньшее значение для развития современного тому времени русского языка имел и тот факт, что к концу 1960-х годов началось активное соперничество СССР и США в сфере космических достижений, которое обогатило новыми терминами и понятиями как русский, так и английский (американский) язык.

Интенсивная издательская деятельность русскоязычного сообщества в США не только способствовала сохранению русского языка в эмиграции,

но и активно влияла на формирование менталитета самих иммигрантов. Особенно этот процесс отразился на деятельности основного печатного органа Конгресса русских американцев (КРА) – альманаха «Русский Американец», первый номер которого увидел свет в 1974 г., но который продолжает издаваться до сих пор. Содержание альманаха с самого начала его существования составили публикации о выдающихся иммигрантах русского происхождения в США, их биографии, достижения, участия в благотворительных организациях, наградах, общественной деятельности и т. п. На страницах альманаха находили отражение и наиболее знаковые события в истории самой России. Например, в 1995 г. в разделе «Наша летопись» были опубликованы такие материалы иммигрантов, как «1000-летие Крещения Руси» (Евгений Александров), «200-летие русского православия в Америке» (Николай Гвоздев), «Миссионерская деятельность в России» (Протоиерей Александр Милеант) и другие.

Однако в 1970–1980-х годах русский язык в США начал испытывать на себе довольно серьезное давление со стороны той части иммигрантской интеллигенции из СССР, которая сознательно стремилась как можно быстрее интегрироваться в американскую культуру, отказывалась говорить по-русски даже в домашней обстановке и запрещала своим детям в школе общаться с соотечественниками. Своего рода противовесом этому направлению иммигрантских настроений стал Клуб русских писателей Нью-Йорка, основанный в 1979 г. и объединяющий сегодня десятки российских писателей, переводчиков, преподавателей русской словесности и многих других активистов, кому небезразлична была судьба русской культуры за рубежом.

Начало 1990-х годов ознаменовалось буквально взрывной активностью пропаганды русского языка и культуры. Одним из флагманов нового идеологического течения в иммигрантской среде стал журнал «Большой Вашингтон», поставившей своей задачей «сплачивать вокруг великого русского языка и русской культуры людей разных национальностей, исповедующих разные религии» (Кузнецов, 2006). В 2000-х годах журнал «Большой Вашингтон», распространившись по всей Америке, стал выходить и в России. Публикации журнала создавали новый имидж России и, по сути, наводили мосты между

русской иммиграцией в США и новой Россией. Для самих иммигрантов, живущих в США, журнал оказался еще и своего рода бюллетенем, оповещавшим русскоговорящую общественность о важных мероприятиях, проводившихся в Вашингтоне не только благотворительными обществами, но и российским посольством. Появившаяся у различных групп русскоязычного населения США возможность собираться вместе в российском посольстве, общаться на русском языке, договариваться об укреплении русского языка в Америке спланировала русскоязычную диаспору и придавала ей новые возможности для развития. Характерно, что в этот период русский язык стал восприниматься иммигрантами как символ общественного согласия, соединяющий интересы представителей дворянского (монархического) сообщества, ветеранов Великой Отечественной войны, живущих в США, студенческой молодежи из России и т. д.

Укрепление и развитие русского языка в США неожиданно нашло себе поддержку и со стороны постсоветских иммигрантов, которые стремясь к самореализации в новых условиях и обладая таким ресурсом, как качественное советское образование, инициировали открытие целого ряда русскоязычных школ в различных регионах Америки. В начале 2000-х годов широкое признание в США получили такие школы, как Детский образовательный центр «Да Винчи», Школа русского языка (Ирина Ужанская), школа «Гармония» (Ульяна Бабанова) и др. Наиболее предприимчивые женщины-иммигрантки бывшего Советского Союза, стремясь к сохранению русского языка в семьях переселенцев, активно внедряли в систему преподавания частных воскресных школ в США такие предметы на русском языке, как литература, развитие речи, математика, алгебра, геометрия, музыка, музыкальная фонетика, изобразительное искусство, лепка, рисунок, танцы, история России, история Древнего мира, история развития мировой культуры, география, природоведение, физика, астрономия, занимательная химия, шахматы, французский язык, гитара, программирование, журналистика и др. В результате воскресные русскоязычные школы в США сегодня привлекают не только тех, кто уже живет в США, но и тех, кто только собирается переезжать туда на ПМЖ: «Я хочу переехать в штаты на ПМЖ, но мои дети говорят на

русском языке. Они не смогут сразу пойти в школу с полностью английским языком, просто не поймут. Я хотел узнать, есть ли школы для русских? Хотя бы пока не освоят язык»¹.

Важно и то, что система образования, принятая в самих американских школах, во многом не устраивает иммигрантов из бывшего Советского Союза, которые считают ее значительно менее эффективной, по сравнению с российской: «Разница методик преподавания в русской и американской школах настолько велика, что согласовать программы, то есть выбрать класс, соответствующий знаниям студента, практически невозможно. Обязательно надо или что-либо доучивать самому или прослушивать во второй раз то, что уже “проходили” в русской школе»².

Кроме того, в русских школах США работают так называемые группы продленного дня, где на основе дополнительного образования преподаются танцы, фигурное катание, рисование, гимнастика и многое другое.

Результатом системы преподавания, предлагаемой русскоязычными женщинами из иммигрантской среды, становится осознанное и отрефлексированное погружение детей в русский мир со всеми его вербальными и образными символами. Женщины-преподаватели ставят со своими учениками спектакли по мотивам русских сказок и произведениям советских писателей («Финист – ясный сокол»,

«Праздник непослушания», «Новогодние приключения Маши и Вити» и др.), организуют просмотр лучших советских мультфильмов, разучивают стихи русских и советских поэтов, продвигают и высокотехнологичные проекты, ориентированные на русскую и советскую историю (например, создание интерактивных биографий участников Великой Отечественной войны) и многое другое. При этом русскоязычные женщины-преподаватели в США формируют в сознании детей и представление о межкультурной толерантности как в отношении собственно американцев, так и в отношении других народов мира в целом. Так, американский праздник «День благодарения» в русских школах адаптирован таким образом, что дети в этот день благодарят своих родителей, братьев, сестер, учителей, школу, друзей и т. д. (акция «Скажи спасибо!»). Кулинарные же навыки прививаются детям через изучение кухни народов мира, в первую очередь, узбекской, татарской и других народов бывшего СССР (Шалыгина, 2021. С. 141).

Таким образом, технологии сохранения русского языка в среде иммигрантов США, начиная с 1920-х годов, постепенно наращивают свой ресурс и расширяют диапазон сценариев его развития. Так, активизация деятельности русскоязычных школ в современных США способствует укоренению идеологии «миски салата» в американском социуме, которая, в свою очередь, «работает» на сохранение не только русского языка за океаном, но и всего Русского мира в целом. При этом опыт предыдущих поколений иммигрантов, также направленный на сохранение русского языка в Америке, сегодня используется на качественно новом уровне интернет-технологий и тем самым позволяет создавать адаптированные варианты его дальнейшего развития.

¹ Русские школы в США. URL.: <http://usa-24.ru/russkieshkoly-v-ssha> (дата обращения 10.11.2016).

² Бакмастер В. Образование в Америке. URL.: http://old.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20011017_bak.html (дата обращения: 17 октября 2001).

Список источников

Абдурашитова С. Я. Роль русскоязычных иммигрантов в формировании языковой ситуации г. Нью-Йорк // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 5–3 (59). С. 69–74.

Базанов П. Н. Издательства русской эмиграции второй половины XX века : вопросы исследования // Труды : сб. тр. по материалам 11-х Смирдинских чтений. Санкт-Петербург : Сант-Петербургский государственный университет культуры и искусств (СПбГУКИ), 2000а. Т. 151. Книга. Культура. Общество. С. 94–101.

References

Abdurashitova S. Ya. (2016) The role of Russian-speaking immigrants in shaping the language situation in New York. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki = Philological Sciences. Questions of theory and practice*. No. 5 (59). P. 69-74. (In Russ.).

Bazanov P. N. (2000a) Publishing houses of Russian emigration of the second half of the XX century: research questions. *Trudy : sb. tr. po materialam 11-kh Smirdinskikh chtenii = Proceedings: coll. tr. Based on the materials of the 11th Smirda Readings*. St. Petersburg: Saint-Petersburg State University of Culture. Vol. 151. Book. Culture. Society. P. 94–101. (In Russ.).

Базанов П. Н. Издательская политика политических организаций русской эмиграции // *Зарубежная Россия 1917–1939 гг.* : сб. ст. Санкт-Петербург : Европ. Дом, 2000b. С. 113–122.

Базанов П. Н. Издательства и периодика политических партий первой волны русской эмиграции // *Научно-методические проблемы подготовки специалистов в области культуры и искусств : материалы конференции преподавателей Санкт-Петербург. государственного университета культуры и искусств, 18 дек. 1999 г.* Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, 2000с. С. 134–144.

Вильчур М. Е. В американском горниле. Из записок эмигранта. Нью-Йорк, 1914. 93 с.

Вишнякова Н. В. Из истории распространения русской книги в США // *Вестник Омского университета.* 1998. Вып. 3. С. 44–50.

Восков С. Сборник статей, воспоминаний и документов / сост. и обраб. А. Л. Ильин-Женевский. Л. : Прибой, 1925. 106 с.

Измозик В. С. Письма российских эмигрантов середины двадцатых годов как исторический источник // *Из истории российской эмиграции.* СПб., 1992. С. 48–52.

Кузнецов С. Родину мы все-таки не сдали... // *Большой Вашингтон.* 2006. № 8 (43). С. 4–6.

Нитобург Э. Л. Русские в США: история и судьбы: 1870–1970. Этноисторический очерк. М. : Наука, 2005. 421 с.

Окунцов И. К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Айрес : Сеятель, 1967. 431 с.

Печатное дело Русского зарубежья в исследованиях и документах: материалы к библиографии / сост. О. А. Коростелев // *Диаспора: Нов. Материалы.* Вып. 5. Париж; СПб., 2003. С. 661–715.

Поляков Ю. А. Адаптация и миграция – важные факторы исторического процесса // *История российского зарубежья. Проблемы адаптации мигрантов в XIX–XX веках.* Сб. ст. М. : Институт российской истории РАН, 1996. С. 4–18.

Радзинская А. В. Я живу в Америке, на пятом этаже. М.: Книжный клуб 36.6, 2004. 221 с.

Ручкин А. Б. Русская диаспора в Соединенных Штатах Америки в первой половине XX века. М.: Изд-во Национального ин-та бизнеса, 2007. 446 с.

Селезнева Т. В. Русская эмиграция в Северной Америке (1920–1930) // *Русское зарубежье: История и современность* : сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр комплексных исслед. росс. эмиграции; ред. колл.: Мухачёв Ю. В. (гл. ред.) и др. М. : ИНИОН РАН, 2016. Вып. 5. С. 160–173.

Bazanov P. N. (2000b) Publishing policy of political organizations of Russian emigration. *Zarubezhnaya Rossiya 1917–1939 gg.: sb. st. = Foreign Russia, 1917-1939. Collection of articles.* St. Petersburg: Evrop. Dom. P. 113-122. (In Russ.).

Bazanov P. N. (2000c) Publishers and periodicals of the political parties of the "first wave" of Russian emigration. *Nauchno-metodicheskie problemy podgotovki spetsialistov v oblasti kul'tury i iskusstv : materialy konf. prepodavatelei Sankt-Peterburg. gos. unta kul'tury i iskusstv 18 dek. 1999 g. = Scientific and methodological problems of training specialists in the field of culture and arts. Mat. conf. teacher. Saint-Petersburg State University of Culture. 18 Dec. 1999.* St. Petersburg. P. 134-144. (In Russ.).

Vil'chur M. E. (1914) In the American crucible. From the notes of an emigrant. New York. 93 p. (In Russ.).

Vishnyakova N. V. (1998) From the history of the distribution of Russian books in the USA. *Vestnik Omskogo universiteta = Bulletin of the Omsk University.* Iss. 3. P. 44–50. (In Russ.).

Voskov S. (1925) Collection of articles, memories and documents. Leningrad: Surf. 106 p. (In Russ.).

Izmozik V. S. (1992) Letters from Russian emigrants in the mid-twenties as a historical source. *Iz istorii rossiiskoi emigratsii = From the history of Russian emigration.* St. Petersburg. P. 48–52. (In Russ.).

Kuznetsov S. (2006) We still didn't surrender our homeland ... *Bol'shoi Vashington = Greater Washington.* No. 8(43). P. 4-6. (In Russ.).

Nitoburg E. L. (2005) Russians in the USA: history and fate: 1870–1970. Ethnohistorical essay. Moscow: Nauka. 421 p. (In Russ.).

Okuntsov I. K. (1967) Russian emigration in North and South America. Buenos Aires: Sower. 431 p. (In Russ.).

Korostelev O. A. (2003) Printed business of Russian abroad in researches and documents: materials for bibliography. *Diaspora: Nov. Materialy = Diaspora: Nov. Materials.* Paris; St. Petersburg. Iss. 5. P. 661–715. (In Russ.).

Polyakov Yu. A. (1996) Adaptation and migration are important factors of the historical process. *Istoriya rossiiskogo zarubezh'ya. Problemy adaptatsii migrantov v XIX–XX vekakh. Sb. st. = History of the Russian Abroad. Problems of adaptation of migrants in the 19th–20th centuries. Collection of articles.* Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. P. 4–18. In Russ.).

Radzinskaya A. V. (2004) I live in America, on the fifth floor. Moscow: Book Club 36.6. 221 p. (In Russ.).

Ruchkin A. B. (2007) Russian diaspora in the United States of America in the first half of the twentieth century. Moscow: Publishing House of the National Institute of Business. 446 p. (In Russ.).

Selezneva T. V. (2016) Russian emigration in North America (1920–1930). *Russkoe zarubezh'e: Istoriya i sovremennost': Sb. st. Russian Abroad: History and Modernity. Collection of articles.* Moscow: Institut nauchnoy informatsii po obshchestvennym naukam RAN. Iss. 5. P. 160-173. (In Russ.).

Струве Г. П. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп.; Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Р. И. Вильданова, В. Б. Кудрявцев, К. Ю. Лаппо-Данилевский; вступ. ст. К. Ю. Лаппо-Данилевского. Париж : УМСА-Press; М. : Русский путь, 1996. 448 с.

Ульянкина Т. И. «Дикая историческая полоса...». Судьбы российской научной эмиграции в Европе (1940–1950). М. : Российская политическая энциклопедия (РОСПЭН). 2010. 640 с.

Шалыгина Н. В. Русские американцы: Поиск новых идентичностей. М.: ИЭА РАН, 2021. 390 с.

Щербатский А. И. Русская эмиграция в Соединенные Штаты // Известия Министерства иностранных дел. 1914. Петроград : Типография В. Ф. Киршбаума, 1915. Книга VI. С. 1–32.

Якобсон Е. А. Пересекая границы. Революционная Россия – Китай – Америка / пер. с англ. Е. Б. Дорман. М. : Русский путь, 2004. 272 с.

Информация об авторе

Н. В. Шалыгина – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра Гендерных исследований, Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 119334, Москва, Ленинский проспект, 32А, Россия.

Вклад автора

Шалыгина Н. В. выполнила исследовательскую работу, на основании полученных результатов провела обобщение и подготовила рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 2 сентября 2022 г.; одобрена после рецензирования 26 ноября 2022 г.; принята к публикации 5 декабря 2022 г.

Struve G. P. (1996) Russian Literature in Exile. Brief Biographical Dictionary of the Russian Diaspora. Moscow: SP "Rus. put"; Parizh: UMSA-press. 448 p. (In Russ.).

Ul'yankina T. I. (2010) Wild historical streak: the fate of Russian scientific emigration in Europe (1940-1950s). Moscow: Publishing House Russian Political Encyclopedia. 640 p. (In Russ.).

Shalygina N. V. (2021) Russian Americans: The Search for New Identities. Moscow: Institute of Anthropology and Ethnography RAS. 390 p. (In Russ.).

Shcherbatskii A. I. (1915) Russian emigration to the United States. *Izvestiya Ministerstva inostrannykh del. Kniga VI. 1914. = News of the Ministry of Foreign Affairs. Book 6.1914.* Petrograd: Tipografiya V. F. Kirshbauma. P. 1–32. (In Russ.).

Yakobson E. A. (2004) Crossing borders. Revolutionary Russia - China - America / per. from English E. B. Dorman. Moscow: Russian way. 272 p. (In Russ.).

Information about the author

N. V. Shalygina – Cand. Sci. (History), Senior Researcher at the Center for Gender Studies, Institute of Ethnology and Anthropology named after N. N. Miklukho-Maclay of the Russian Academy of Sciences 32A, Leninskii Avenue, Moscow 119334, Russia.

Contribution of the author

Shalygina N. V. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted September 23, 2022; approved after reviewing November 26, 2022; accepted for publication December 5, 2022.